

ЕЛЕНА КОСИЛОВА*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ АБСУРДА В ФИЛОСОФИИ**

ОТ ЛОГИКИ К «ЛОГИКЕ СМЫСЛА»

Получено: 05.04.2022. Рецензировано: 26.05.2022. Принято: 30.05.2022.

Аннотация: В статье обсуждается вопрос о том, что такое абсурд, а также какие способы его понимания и концептуализации можно найти в истории философии. В первом приближении абсурд существует в двух видах: семантическом и экзистенциальном. Семантический абсурд — это характеристика высказывания, экзистенциальный — характеристика существования человека, однако в статье показывается, что это не две разные сущности, а одна. В Античности абсурд был синонимом ложности умозаключения (редукция к абсурду — косвенное доказательство). Обращаясь же к современной философии, важно заметить: Гуссерль в «Логических исследованиях» утверждает, что абсурдные объекты нельзя понять, они не допускают полного «осуществления смысла». Однако уже в раннем христианстве появляется позиция Тертуллиана, связывающая абсурд с актом веры. С ней отчасти соглашается Николай Кузанский, а в XIX веке — Кьеркегор. В середине XX века Камю показал, что восприятие жизни абсурдной есть честный взгляд на нее, лишенный иллюзий, и это же повторил Т. Нагель. В XX веке абсурд появляется в искусстве, где он расширяет границы сознания. Новая философия абсурда учитывает его связь с неизвестным, с творчеством и с освобождением: абсурд разрывает нарабатанные связи и позволяет увидеть в привычном ранее не замеченные черты. Отечественный ученый В. Ф. Поршнев указывает, что особый акт мышления — деабсурдизация — лежит в основе логики. Ж. Делёз в «Логике смысла» демонстрирует, что нонсенс обеспечивает «дар смысла», осмысление всегда начинается с некоторого недоумения; здравый смысл непродуктивен, нонсенс же заставляет мысль работать. Абсурд был антропологическим феноменом до Делёза — он же придает ему онтологический статус. Современная философия абсурда может оказаться даже теологией.

Ключевые слова: абсурд, нонсенс, смысл, вера, свобода, С. Кьеркегор, А. Камю, Т. Нагель, В. Ф. Поршнев, Ж. Делёз.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-208-221.

Что такое абсурд? А. П. Огурцов в Новой философской энциклопедии пишет, что это «граница, изнанка, оборотная сторона смысла, его превращенная форма» (Огурцов, 2010: 21). По сути, здесь сказано, что

*Косилова Елена Владимировна, д. филос. н., доцент; Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва), implicatio@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2261-7680.

** © Косилова, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

абсурд — антоним смысла (иногда, как мы увидим дальше, целесообразности). Там же Огурцов указывает, что

попытка дать категориальное определение абсурда невыполнима и сама по себе абсурдна, поскольку абсурд не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятий рассудка, ни идей разума (Огурцов, 2010: 21).

Таким образом, он по самой своей природе сопротивляется концептуализации. Однако я не согласна с тем, что абсурд не может быть постигнут разумом — наоборот, может и должен, что уже демонстрирует нам современная философия и что стоит на повестке дня.

Понятие абсурда многолико, а также существует несколько различных попыток его осмысления. В логике и математике есть процедура «сведения к абсурду» — *reductio ad absurdum*. Здесь под абсурдом понимается противоречие. Раньше это словосочетание встречалось чаще, сейчас обычно говорят именно «сведение к противоречию». Противоречие в данном случае прямое — конъюнкция A и не- A . Как утверждает А. П. Огурцов, в античной и новоевропейской философии приоритет всегда отдавался рациональному дискурсу, поэтому появление абсурда свидетельствовало об ошибке мышления или о том, что выбранные посылки были ложными (там же). Можно сказать, что абсурд приравнивался к ложности.

К этому же логико-математическому типу абсурда относятся такие квазиобъекты, как «круглый квадрат». Они также представляют собой противоречие, но не прямое — это конъюнкция не противоположных, но несовместимых признаков. Объем понятия «круглый квадрат» — пустое множество, но со смыслом дело обстоит не так. Смысл конъюнкции A и не- A полностью отсутствует, а смысл круглого квадрата отчасти имеется. Гуссерль, рассматривая такие объекты, не отрицает, что у них в некотором роде есть смысл, но этот смысл не «осуществляется», то есть ему не соответствует никакое созерцание (Гуссерль, Бернштейн, 2011а: 55, 62). Он вводит понятие «осуществление смысла», когда говорит о понимании (на его языке — об интенциональных актах). Понимание у Гуссерля имеет как бы два уровня: один — формальный, подразумевающий способность вывести из одного предложения другое по законам вывода, и второй — связанный с глубоким пониманием, сопровождаемым созерцанием. Именно второй уровень понимания он называет «осуществлением смысла» (там же: 41). В других выражениях он говорит о «пустых и наполненных интенциях значения» (там же), имея в виду под пустыми интенциями формальное понимание, а под

наполненными — глубокое понимание с созерцанием. Осуществление смысла, по Гуссерлю, «актуализирует предметное отношение», то есть мы пытаемся как-то представить себе круглый квадрат, но не можем: значение, смысл не осуществляются. Поэтому в целом следует сказать, что для Гуссерля абсурд остается чем-то негативным: это то, что «не имеет места» (Гуссерль, Молчанов, 2011b: 33, 134).

Абсурд существует в двух основных видах: семантическом, о котором шла речь, и экзистенциальном. Линия экзистенциального абсурда начинается с Тертуллиана, которому приписывается знаменитая фраза «Верую, потому что абсурдно», или еще раньше — с апостола Павла — с его высказывания «Для иудеев соблазн, для эллинов безумие». Для Павла и Тертуллиана абсурд выше разума, он тождественен акту веры — абсурд лежит в основании христианства.

Таким образом, в христианстве абсурд не был чем-то ложным. Как парадокс и даже абсурд можно интерпретировать идеи Николая Кузанского о Боге, который предстает одновременно абсолютным максимумом и абсолютным минимумом. Эту же линию продолжает Кьеркегор в произведении «Страх и трепет». Шуфрейдер, исследователь Кьеркегора, указывает, что абсурд был для последнего своего рода логикой (Schufreider, 1983). Опонируя Гегелю (в систему которого вписать абсурд невозможно, потому что для него противоречия рациональны), Кьеркегор не случайно называет рыцаря веры Авраама абсурдным героем. Абсурдно повеление Бога Аврааму убить сына, которого Бог сам ему дал. Абсурден поступок Авраама: для него будто бы не существует никого, кроме Бога. Таким образом, вера и абсурд у Кьеркегора неразрывно связаны, как и у Тертуллиана: «Ибо движение веры должно постоянно осуществляться силой абсурда» (Кьеркегор, Исаева и Исаев, 2010: 33). У верующего человека, пишет Кьеркегор, абсурд — это особое состояние ума и души, это готовность в любой момент не рассуждая подчиниться любому требованию Бога. Кьеркегор от психологического описания абсурдного состояния души устранился, вместо этого он пишет, что лично он его пережить неспособен. Критериев, чтобы отличить возвышенный абсурд от нелепости, он не дает.

Перевернул осмысление экзистенциального абсурда Камю (Камю, Волевич и Денисов, 1986). Он говорит об абсолютном отсутствии Бога в жизни, что как раз и делает ее бессмысленной и бесцельной. Бикслер сопоставляет Кьеркегора и Камю, указывая, что они близки в чем-то глубоком (Vixler, 1969). Абсурдные герои Камю — особенно Дон Жуан

и актер — не собирают свою жизнь воедино, не строят жизненного проекта. Дон Жуан с каждой новой женщиной проживает как бы отдельную жизнь, и так — много раз без какого-либо развития (та же мысль была и у Кьеркегора в его описании «эстетической стадии»). Актер проживает с каждым новым спектаклем жизнь своего героя и тоже не имеет цельности и цели в жизни. Можно сделать вывод, что абсурду в данном случае противостоит хайдеггеровская решимость сделать свою жизнь цельной, подчиненной единому жизненному проекту. Да и зов совести и чувство вины, о которых пишет Хайдеггер, не просто незнакомы абсурдным героям Камю, но и прямо враждебны им.

Интересный комментарий к Камю написал американский философ Т. Нагель, когда еще не был прославленным автором «Каково быть летучей мышью?» (Нагель, Эскина, 2003). Важно отметить, что тема экзистенциального абсурда нетипична для американской аналитической философии. Нагель соглашается с Камю, когда тот пишет о «чувстве абсурда», и подтверждает, что у людей оно действительно есть. Многие задумываются о цели жизни: кто мы, куда мы идем? Ради чего, по большому счету, мы живем: только ради того, чтобы выжить и оставить потомство? Одаренному разумом человеку этого мало. Однако Нагель рассматривает такой вариант, что какая-то цель нашлась. Закрывает ли это вопрос? Нет, потому что неясно основание этой цели: цепочка целей уходит в бесконечность. Искусство, наука, Божья слава — все это цели, которые нуждаются в собственном обосновании, уже не говоря о том, что большую часть своих действий мы производим, вовсе не задумываясь о великих целях.

Нам дана наша жизнь, не жить ее мы не можем, о чем говорит Нагель (Нагель, Косилова, 2020): мы не можем ничего не хотеть, ни к чему не стремиться. При взгляде изнутри жизни она полна целей (заботы, как сказал бы Хайдеггер), но мы обладаем способностью взглянуть на свою жизнь извне, оценить ее *sub specie aeternitatis*. И, как пишет Нагель, «это взгляд одновременно отрезвляющий и комичный» (там же: 285), поскольку становится ясна вся суетность этих мелких жизненных целей. Нам открывается бессмысленность нашей жизни, но при этом мы не можем перестать жить. Чувством абсурда Нагель называет именно это столкновение взгляда извне и взгляда изнутри. Абсурд — это одна из самых интересных вещей в человеке, проявление его самых продвинутых и интересных свойств, как заключает Нагель, имея в виду способность трансцендировать себя, преодолевать ограниченность своей жизни (там же: 293).

Таким образом, абсурд — это антропологический, человеческий феномен (но затем мы увидим и другое). Абсурд — не в окружающем мире: в мире может быть хаос, нецелесообразность, и то она зависит от оценивающего субъекта. Последний может усматривать в мире абсурд, но это его собственное конституирование. Как мы конституируем абсурд? Это сродни конституированию смысла по Гуссерлю, но это особый смысл, смысл отсутствующего смысла.

Вот как пишет о смысле Хайдеггер (Хайдеггер, Бибахин, 1997: 151):

Что в понимающем размыкании артикулируемо, мы именуем смыслом. *Понятие смысла* охватывает формальный каркас всего необходимо принадлежащего к тому, что артикулирует понимающее толкование. *Смысл есть то структурированное предвзятием, предусмотренном и предрешением в-видах-чего наброска, откуда становится понятно нечто как нечто*. Поскольку понимание и толкование составляют экзистенциальное устройство бытия вот, смысл надо понимать как формально-экзистенциальный каркас принадлежащей к пониманию разомкнутости. Смысл есть экзистенциал присутствия, не свойство, которое присуще существу, располагается «за» ним или где-то парит как «междущарствие». Смысл «имеет» лишь присутствие, насколько разомкнутость бытия-в-мире «заполнима» открываемым в ней сущим. *Лишь присутствие может поэтому быть осмысленно или бессмысленно*. Это значит: свое ему бытие и разомкнутое с ним сущее может быть освоено в понятности или остаться недоступным непонятливости.

Здесь надо перейти к тому виду абсурда, который непосредственно создан человеком — к абсурду в искусстве. Ж. Делёз предлагает различать абсурд и нонсенс, понимая под нонсенсом семантический абсурд, выраженный в тексте при помощи слов. Однако я буду употреблять термин «абсурд», говоря и о нонсенсе; так же делает и Г. Померанц (Померанц, 1995).

В шуточных стихах абсурд существовал давно. В английской поэзии были нонсенс-стихи, да и для русской культуры характерны небылицы в стихотворной форме, например: «Ехала деревня // Мимо мужика, // Вдруг из-под собаки // Лают ворота». Однако признанными родоначальниками нонсенс-поэзии и литературы можно назвать Э. Лира и Л. Кэрролла. Е. Клюев в книге «Теория литературы абсурда» пишет, что их тексты — нонсенс, который не несет никакого смысла, кроме самого себя, что нонсенс не подлежит толкованию (Клюев, 2000: 15). Здесь мы уже встречаемся с проблемой толкования нонсенса и его связи со смыслом, которая позже будет занимать Ж. Делёза.

В XX веке — как в его начале, так и в конце — литература и искусство абсурда вышли на свет. Можно назвать наших обэриутов — особенно, конечно, Хармса. Появился театр абсурда — например великий Беккет. Абсурд обрел визуальные формы в живописи сюрреализма. Стало ясно, что в каком-то смысле само искусство родственно абсурду, поскольку он воплощает собой новизну, другость, инаковость и, что очень важно, свободу. Абсурд снимает рамки допустимого, он раскрепощает, он отрицает идеологию, мораль, указания на должное. Это было особенно важно для позднего СССР с его идеологическим социалистическим реализмом, поэтому позднесоветский рок, например группа «Аквариум», воспринимался как освобождение, даже как просветление.

Однако искусство, в каком бы виде оно ни воплощало абсурд, никогда не может дойти до конца. Предельный абсурд отрицает всякое выражение, поскольку для последнего требуется хотя бы минимальная связность. Абсурд в искусстве — всегда игра в абсурд, а игра, в свою очередь, предполагает наличие правил: без них она не существует, поскольку иначе будет непонятной. Абсолютный абсурд отрицает правила — именно поэтому в абсурд, собственно, нельзя играть. Таким образом, абсурд в принципе не может быть понятным. Если бы абсурд был живым, на игру в себя — о каком бы жанре искусства ни шла, по большому счету, речь — он бы посмотрел с презрением. Этим я не хочу сказать, что произведения искусства, созданные как абсурдные, так сказать, не валидны. Иногда у них бывает исключительная художественная сила! Более того, так бывает довольно часто. В XX веке было много великих произведений искусства, стремившихся быть абсурдными. К абсурду нельзя прийти посредством искусства, но, когда искусство идет к абсурду, бывает, что оно приходит к самому себе. И нет ли у искусства глубинной общности с идеей абсурда? Кант, например, говорил, что гений создает новые правила. Я полагаю, что абсурд — это предельный полюс всего нового, доселе не бывшего, невоплощенного. Этот предельный полюс, конечно, всегда останется невоплощенным, он не воплощаем, но на пути к нему рождаются доселе не бывшие воплощения, которые могут оказаться гениальными.

Абсурд очевидным образом расширяет сознание (Померанц, 1995): он рвет привычные связи. Это очень хорошо заметно в таких песнях «Аквариума», как «Служенье муз не терпит колеса» и тому подобных. Если бы вообще не было абсурда, наша мысль никогда не завелась бы, не стала познавать новое — она бы вечно скользила по привычной колее. Абсурд — это творческое начало, это семя новых смыслов. Так же как

пониманию предшествует непонимание, как мышлению предшествует удивление, так и смыслу предшествует абсурд. «...Сделать высшим могуществом мысли абсурд — то есть творить», — пишут Делёз и Гваттари (Делёз и Гваттари, Зенкин, 2009).

Мы приходим к выводу, что абсурд можно разделить на положительный и отрицательный. Один абсурд — это некая черная дыра, которую можно увидеть только косвенным образом. В данном случае смысл можно назвать чем-то вроде солнца, которое освещает предметы. Тогда бессмысленность — это черная тень, раскинувшаяся неизвестно где, ведь ее не видно. Под солнцем смысла очень хорошо жить, а в ледяную черную пустыню абсурда нас совсем не тянет. Встретиться лицом к лицу с этой пустыней — доблесть, требующая мужества. К этому пониманию абсурда близок Камю.

Или не так? Может быть, Абсурд — это путеводная звезда, это маяк, указывающий направление на свободу? Повседневные смыслы опутывают нас своей сетью, много раз сказанные последовательности слов становятся заезженными, а смысл начинает давить на нас принудительностью, и тогда Абсурд показывает себя чем-то легким и освобождающим, чем-то смешным: именно таков абсурд Льюиса Кэрролла и раннего «Аквариума». А экзистенциальный абсурд говорит нам, что жизнь бессмысленна и бесцельна, и можно понимать это тоже как освобождение.

Мы видим как бы два лица абсурда: первое — черное, второе — скорее блестящее. И в том и в другом случае абсурд противостоит смыслу, но разному и каждый — характерными для него способами.

Зачем люди играют в абсурд? Речь, прежде всего, о нонсенсе. И здесь можно предложить такую гипотезу. Первая — согласно схеме Фрейда Fort / Da из «По ту сторону принципа удовольствия» (Фрейд, 1992). Fort / Da — это игра, которой забавлялся маленький ребенок и которая состояла в том, что он отбрасывал от себя игрушку и снова притягивал ее к себе за ниточку. Зачем он отбрасывал игрушку? Этим вопросом задался Фрейд и предположил, что ребенок таким образом тренирует будущее умение терпеть утраты. Мальчик боится, что мать уйдет и бросит его. Он понарошку выбрасывает игрушку, утрачивает ее, потом возвращает, при этом бессознательно думая о матери. Игра — это тренировка будущих потерь, будущей боли. Таким образом, придумывая игры в абсурд, мы как бы адаптируемся к осознанию того, что жизнь абсурдна. Мы тренируем свое умение переносить абсурдность, говорим себе: «Подумаешь, в абсурде нет ничего особенного, это самая обычная вещь».

Итак, можно выделить две причины, по которым стоит любить абсурд: стремление к новизне и стремление играть в утрату смысла. Однако этого мало, ведь абсурд имеет свое бытие и помимо наших игр. Это его бытие расположено в нашем сознании, когда последнее работает. Здесь можно обратиться к идеям советского антрополога Б. Ф. Поршнева: он связывает абсурд с так называемой дипластией — одновременным наличием в сознании двух или нескольких разных содержаний, как-то связанных между собой, но и противоречащих друг другу (Поршнев, 2007: 612). Это легко понять на таком примере: есть табу, его нельзя нарушать, но в то же время его хочется нарушить. Однако можно это интерпретировать и гораздо шире: мир вообще все время изменяется, и один и тот же предмет бывает дан в разных видах. Одно и то же и остается самим собой, и меняется (можно вспомнить корабль Тесея). Одна и та же вещь дается в разных аспектах, с разных сторон. Кто-то может быть отчасти прав, отчасти не прав. Дипластия — вообще очень богатое понятие. Конечно, не всегда она превращается в абсурд, но она ему родственна, потому что включает в себя разное, противопоставленное одно другому (выше мы видели, что абсурд по сущности своей привносит иное).

Поршнев анализирует бинарные оппозиции, однако настаивает, что дипластия предшествует их появлению, что она — изначальное состояние сознания первобытного человека. Изначально противоположности уживались в одном сознании, и с тех пор остались такие фразы, как, например, «видимо-невидимо». Однако это не могло продолжаться долго, поскольку требовалось ведь и делать выводы, строить мало-мальски связные нарративы. И Поршнев вводит понятие «деабсурдизация» (там же: 475). То есть абсурд лежит в основании мышления, иными словами, он заводит мышление, чтобы оно разбиралось с абсурдом, обдумывало, как получилась дипластия, что было неправильно, как разобраться с этим. Так рождается первоначальная логика — она призвана бороться с абсурдом. Сначала мир предстает перед человеком неразличенным, различия и умение работать с ними — это специальные навыки логического мышления.

Теперь мы можем перейти к тому прочтению абсурда, которое предлагает Ж. Делёз в своей книге «Логика смысла» (Делёз, Свирский, 2011). Как, согласно Делёзу, рождается смысл?

Прежде всего, Делёз говорит о поверхности, которую он противопоставляет глубине. На глубине находятся тела, там происходят физические процессы: тела обмениваются импульсами, бурлит энергия,

царствует каузальность, закон сохранения и законы термодинамики. Но там нет событий и нет смысла — там все не расчлнено.

Что же понимается под поверхностью? Было бы соблазнительно представить себе поверхность как область человеческого сознания, которое обращено к миру. Своей интенциональностью оно расчлняет этот мир, конституирует смысл предметов и того, что с ними происходит, — так бы сказал Гуссерль.

Однако у Делёза все не так. Он не раскрывает, не переводит свою метафору поверхности, но мы, скорее всего, должны понимать поверхность как царство бессубъектного языка. Субъекта у Делёза нет. Язык живет по своим законам, которые даже нельзя назвать законами: в языке — на поверхности — царствует «квазипричинность». Безусловно, Делёз много взял у структуралистов (например, у Леви-Стросса с его приматом означающих над означаемыми) и особенно у Лакана, у которого означающие связывались друг с другом (не с означаемыми) и образовывали регистр символического. Это особый мир, который — отчасти конечно — связан с реальным, но автономен от него. То же мы видим и у Делёза в его метафоре поверхности: на ней идет своя жизнь, и о связи с глубиной даже не говорится. Эта жизнь пронизана квазипричинностью, которую имеют между собой языковые эффекты. Жизнь языка — это эффекты, как считает Делёз (Делёз, Свирский, 2011: 23, 40).

Говоря об отсутствии субъекта, он использует понятие «трансцендентальное поле». Здесь он опирается на статью Сартра «Трансцендентность Эго» (Сартр, Кричевский, 2003: 86–121). Как известно, Сартр возражал Гуссерлю, говоря, что Я не является само собой разумеющимся полюсом сознания, в нерелексивных, безличных, спонтанных актах сознания оно не присутствует, а конституируется в рефлексии. Практически то же самое пишет Делёз о трансцендентальном поле: оно безлично и доиндивидуально, субъект еще не появился, он появляется вторичным образом, если вообще появляется (Делёз, Свирский, 2011: 138–140). Однако это трансцендентальное поле у Делёза относится, разумеется, все к той же поверхности и имеет все тот же языковой характер.

Вместе с понятием смысла Делёз вводит понятия события и сингулярности. Сингулярность — это то, что выделяется на поверхности, на которой живет и действует язык. В точке сингулярности рождается смысл, и это происходит в форме события. Любое событие осуществляется только в языке; в мире тел, как уже выше было сказано, событий нет. Событие, таким образом, всегда осмысленно. Кроме того, у события —

особое отношение ко времени, в нем нет внутреннего времени (Делёз, Свирский, 2011: 86): оно точно, как вспышка.

Еще один подход к субъекту, насколько я понимаю, Делёз предпринимает, вводя понятие «парадоксальный элемент» (там же: 59). Он имеет непосредственное отношение к языку и даже к тексту, соединяет означающие с означаемыми (они представлены в виде серий), и он также абсолютно безличен. Это ни в коем случае не субъект, это, может быть, взгляд читателя, взгляд писателя, просто взгляд без принадлежности. И здесь мы уже сталкиваемся со стихией парадокса и нонсенса (там же: 94).

Как мы видели, смысл рождается в безличных событиях и сингулярностях, можно это интерпретировать так, что он рождается внутри языка, а не в сознании субъекта. Если Гуссерль говорил, что субъект конституирует смысл, то у Делёза происходит обратное: смысл конституирует субъекта, поскольку существует до субъекта. Носитель смысла — «анонимная номадическая сингулярность» (там же: 146). Возможно, Делёз бы согласился, что в языке сами рождаются даже слова.

И это происходит в непосредственной связи с нонсенсом. Нонсенси, как пишет Делёз, дает «дар смысла» (там же: 96): смысл рождается из нонсенса. Никогда не даст нового смысла «здоровый смысл», который сам зависит от наличествующих смыслов (там же: 104). Нонсенси всегда граничит с той областью поверхности, где происходят события, куда стягиваются сингулярности, где скользят означающие и работает парадоксальный элемент — тот самый безличный взгляд. Нонсенси неотделим от смысла. Мы можем добавить к мысли Делёза еще такое соображение: где сталкиваются разные смыслы, всегда так или иначе появляется нонсенси. И от этих столкновений опять-таки рождаются новые смыслы (вспоминаем Поршнева и его деабсурдизацию). Нонсенси у Делёза не менее важен, чем сам смысл.

Теперь мы видим, какую эволюцию совершило понятие абсурда в истории философии. Сначала оно появилось в логике как обозначение противоречия, чего-то неправильного. Однако затем оно оказалось связанным с верой и, таким образом, было реабилитировано. У Камю и Нагеля абсурд — это маркер бодрствующей человеческой экзистенции. Семантический абсурд укоренился в искусстве, расширил сознание и побудил его в изобилии рождать новые смыслы. Согласно теории Поршнева, абсурд приводит к изобретению логики. Однако все это — антропологический, человеческий абсурд. Кажется, что абсурд неотделим от сознания, которое его усматривает или само порождает.

Наконец, у Делёза мы видим, что абсурд-нонсенс расстается с субъектом. Теперь это не антропологическая, а онтологическая сущность. Теперь он существует, так же как и смысл, вовне субъекта — в стихии языка, а субъект конституируется вторично, если вообще конституируется. Для того чтобы происходили события рождения смысла, он не нужен. Нонсенс стал автономен.

Так на сегодняшний день завершилась история концептуализации абсурда. Однако возможно ее продолжение. Что если абсурд получит еще большую автономию? Тогда он оторвется от делёзовской «поверхности» и получит свое онтологическое место в мире. В мире вещей он вряд ли возможен по самому своему определению, поскольку он сущностно связан со смыслом. Что если его станет осмыслять теология? Абсурд как мысль Бога. Бог как творец самого изначального абсурда. Но не как у Кьеркегора, где все же есть рыцарь Авраам, а безотносительно к человеку — просто потому, что Бог так захотел? Если человек хочет иногда сам создавать абсурд, то почему не подумать о том, что это может быть угодно Богу? Я не специалист в теологии и просто пытаюсь подумать, какие еще концептуализации абсурда возможны.

Если говорить об онтологии физического мира, то речь должна идти не об абсурде, а о хаосе, но как связаны эти два понятия, тоже было бы интересно подумать. Нет ли тут чего-то родственного Гиперхаосу К. Мейясу?

Во всяком случае, нам должно быть ясно, что абсурд — важнейшая тема для того, чтобы думать о ней философски.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. I / пер. с нем. Э. А. Бернштейна. — М. : Академический проект, 2011а.
- Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II / пер. с нем. В. И. Молчанова. — М. : Академический проект, 2011б.
- Делёз Ж.* Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. — М. : Академический проект, 2011.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М. : Академический проект, 2009.
- Калю Ю.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. И. Я. Волевич, Ю. М. Денисова, А. М. Руткевича // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. И. Я. Волевича, Ю. М. Денисова, А. М. Руткевича. — М. : Политиздат, 1986. — С. 90—92.
- Клюев Е. В.* Теория литературы абсурда. — М. : УРАО, 2000.

- Кьеркегор С.* Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. — М. : Культурная революция, 2010. — С. 5–122.
- Нагель Т.* Каково быть летучей мышью? // Глаз разума / Д. Хофштадтер, Д. Деннетт ; пер. с англ. М. Эскиной. — Самара : Бахрах-М, 2003. — С. 349–360.
- Нагель Т.* Абсурд / пер. с англ. Е. В. Косиловой // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2020. — Т. 4, № 4. — С. 275–294.
- Огурицов А. П.* Абсурд // / под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова, Г. Ю. Семигина. — М. : Мысль, 2010. — С. 21–24.
- Померанц Г. С.* Язык абсурда // Выход из транс. — М. : Юрист, 1995.
- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). — СПб. : Алетейя, 2007.
- Сартр Ж.-П.* Трансцендентность Эго : набросок феноменологического описания / пер. с фр. А. Кричевского // *Логос*. — 2003. — Т. 37, № 2. — С. 86–121.
- Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия : пер. с нем. / под ред. А. А. Гугнина. — СПб. : Прогресс, Литера, 1992.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М. : Ad Marginem, 1997.
- Bixler J. S.* On Being Absurd! // *The Massachusetts Review*. — 1969. — Vol. 10, no. 2. — P. 407–412.
- Schufreider G.* The Logic of the Absurd // *Philosophy and Phenomenological Research*. — 1983. — Vol. 44, no. 1. — P. 61–83.

Kosilova, Ye. V. 2022. "Kontseptualizatsii absurda v filosofii [Conceptualization of the Absurd in Philosophy]: ot logiki k 'Logike smysla' [From Logic to Logic of Sense]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3), 208–221.

YELENA KOSILOVA

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY; ASSOCIATE PROFESSOR
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-2261-7680

CONCEPTUALIZATION OF THE ABSURD IN PHILOSOPHY

FROM LOGIC TO LOGIC OF SENSE

Submitted: Apr. 05, 2022. Reviewed: May 26, 2022. Accepted: May 30, 2022.

Abstract: The article discusses the question of what absurd is. At first, the absurd seems to exist in two forms — semantic and existential. Semantic absurd is a characteristic of a statement, whilst existential absurd is a characteristic of a person's existence. However, the article shows that these are not two different entities but one. In antiquity, absurdity was synonymous with the falsity of a conclusion. In modern philosophy, Husserl, in *Logical Investigations*, believes that absurd objects cannot be understood. However, Tertullian's line appears already in early Christianity, linking absurd with an act of faith. In the 19th century, Kierkegaard was its representative. In the middle of the 20th century, Camus showed that the attitude to life

as absurd is an honest view of life without illusions, followed by Nagel. In the 20th century, the absurd appeared in art, where it expanded the boundaries of consciousness. The new philosophy of the absurd takes into account its connection with novelty, creativity, liberation. It breaks established ties and makes the familiar new. Soviet scientist B. F. Porshnev points out that a particular act of thinking, “deabsurdization”, underlies logic. J. Deleuze in *Logic of Sense* demonstrates that nonsense provides the “gift of meaning”, comprehension always begins with some bewilderment; common sense is unproductive, but nonsense makes thought work. Before Deleuze, the absurd was an anthropological phenomenon, howbeit Deleuze gave it an ontological status. The modern philosophy of the absurd may even turn out to be theology.

Keywords: Absurd, Nonsense, Sense, Faith, Freedom, S. Kirkegaard, A. Camus, T. Nagel, B. F. Porshnev, J. Deleuze.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-208-221.

REFERENCES

- Bixler, J. S. 1969. “On Being Absurd!” *The Massachusetts Review* 10 (2): 407–412.
- Camus, A. 1986. “Mif o Sizife. Esse ob absurde [Le Mythe de Sisyphe]” [in Russian]. In *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo [A Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art]*, trans. from the French by I. Ya. Volevich, Yu. M. Denisov, and A. M. Rutkevich, 90–92. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Deleuze, G. 2011. *Logika smysla [Logique du sens]* [in Russian]. Trans. from the French by Ya. I. Svirskiy. Moskva [Moscow]: Akademicheskii projekt.
- Deleuze, G., and F. Guattari. 2009. *Chto takoye filosofiya? [Qu'est-ce que la philosophie?]* [in Russian]. Trans. from the French by S. N. Zenkin. Moskva [Moscow]: Akademicheskii projekt.
- Freud, S. 1992. *Po tu storonu printsipa udovol'stviya [Jenseits des Lustprinzips]* [in Russian]. Ed. by A. A. Gugin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Progress, Litera.
- Heidegger, M. 1997. *Bytiye i vremya [Sein und Zeit]* [in Russian]. Trans. from the German by V. V. Bibikhin. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Husserl, E. 2011a. *Logicheskiye issledovaniya [Logische Untersuchungen. Erster band. Prolegomena zur reinen Logik]* [in Russian]. Trans. from the German by E. A. Bernshteyn. Vol. I. Moskva [Moscow]: Akademicheskii projekt.
- . 2011b. *Logicheskiye issledovaniya [Logische Untersuchungen. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis]* [in Russian]. Trans. from the German by V. I. Molchanov. Vol. II. Moskva [Moscow]: Akademicheskii projekt.
- Kierkegaard, S. 2010. *Strakh i trepet [Fear and Trembling]* [in Russian]. Trans. from the Danish by N. V. Isayeva and S. A. Isayev. 5–122. Moskva [Moscow]: Kul'turnaya revolyutsiya.
- Klyuyev, Ye. V. 2000. *Teoriya literaturny absurda [The Theory of Absurd Literature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: URAO.
- Nagel, T. 2003. “Kakovo byt' letuchey mysh'yu? [What Is It Like to Be a Bat?]” [in Russian]. In *Glaz razuma [The Mind's I]*, by D. R. Hofstadter and D. C. Dennett, trans. from the English by M. Eskina, 349–360. Samara: Bakhrakh-M.
- . 2020. “Absurd [The Absurd]” [in Russian], trans. from the English by Ye. V. Kosilova. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 4 (4): 275–294.
- Ogurtsov, A. P. 2010. “Absurd [The Absurd]” [in Russian]. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya [The New Philosophical Encyclopedia]*, vol. 1 of *Novaya filosofskaya entsiklopediya [The New Philosophical Encyclopedia]*, ed. by V. S. Stepin, A. A. Guseynov, and G. Yu. Semigin, 21–24. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.

- Pomerants, G. S. 1995. "Yazyk absurda [The Language of Nonsense]" [in Russian]. In *Vykhod iz transa [Way Out of the Trance]*. Moskva [Moscow]: Yurist.
- Porshnev, B. F. 2007. *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsikhologii) [About the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Sartre, J.-P. 2003. "Transtsendentnost' Ego [La Transcendance de l'ego]: nabrosok fenomenologicheskogo opisaniya [Esquisse d'une description phénoménologique]" [in Russian], trans. from the French by A. Krichevskiy. *Logos* 37 (2): 86–121.
- Schufreider, G. 1983. "The Logic of the Absurd." *Philosophy and Phenomenological Research* 44 (1): 61–83.